

ДЕТСКАЯ ЭЛИТАРНАЯ РЕЧЬ ОТ 2 ДО 4

Ребенок осваивает язык. Да-да, наш богатейший русский язык, в котором «облака *плывут*, лед *тронулся*, грибы *пошли*, техника *накрылась*, книга *вышла*, а молоко *убежало*». Комбинаторика самых обычных слов иногда зашкаливает, до высшего ли слоя здесь и сейчас? И тем не менее попробуем поставить заявленную задачу — задачу исследования элитарной речи на раннем этапе овладения могущественным составом языка.

Исследовать эту сторону детской речи чрезвычайно интересно, хотя и несколько затруднительно. Как в повседневной речи детей рождается высшая форма речи — ее элитарность? Что на нее влияет? Каковы ее составляющие? Каковы типично детские моменты, ступени этой речи? Какова степень влияния взрослых и насколько ребенок сам создает свою речь? Все это непростые вопросы, тем более сейчас, когда малыш с младых лет погружается в Интернет, привычно обитая в виртуальном пространстве и становясь на это время, время, скажем так, весьма продолжительное, закрытым от родителей и наблюдателей детской речи. И тем не менее мы ставим перед собой задачу исследования детской элитарной речи как относительно самостоятельного феномена, хотя и зависящего от постоянного и интенсивного влияния окружающих.

Конечно, конечно, на первом месте здесь эффект подражания, причем это подражание у ребенка представлено широко и охватывает самые различные стороны речи.

С одной стороны, в подражании есть немало **ролевой игры**. Лег в кровать, мама стоит рядом, руки кремом намазывает. Кня (Аркадий): «**Чего стоим, чего ждем?**» (2 г. 11 м.). Набедокурил и говорит за маму: **Ну, я же тебе говорила!** (3 г.). С другой стороны, в подражании наблюдаются **типично детские непопадания**, например, объединение фраз в одно целое: мама сказала ему, чтобы спать уже ложился. Кня посмотрел сердито и крайне эмоционально выдал: «**Мама, ты мне все удовольствие портишь! Нет никакого смысла, когда ты мне совесть мучаешь!**» (3 г.).

С одной стороны, подражая, ребенок **не чувствует сарказма** во фразе. «**Тожe мне, друг называется!**» — говорит сестре очень нежно и радостно (2 г. 8 м.). С другой стороны, наблюдается чрезмерное **расширение употребительности фразы**. Женя повел Машу на кружок. Кня грустит: «**Я хотел с Женей в машины поиграть — и нá тебе, Женя ушел!**» (2 г. 11 м.).

С одной стороны, наблюдается оценочное презрение (**уменьшение признака**): играли с ним, он мне на кисть нажал, говорю, тише, ты мне чуть палец не сломал. Кня ворчливо: «**Подумаешь, палец...**» (2 г. 7 м.). С другой стороны, наблюдается оценочное восхищение (**увеличение признака**): мама ему бросила мяч. Княшка восхищенно: **Во дает!** (2 г. 7 м.).

Вера Константиновна Харченко родилась в Калининне (Тверь), окончила Новосибирский педагогический институт и аспирантуру при кафедре русского языка Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета. Живет в Белгороде.

Как видим, подражание не столь простой процесс, в нем наблюдается то когнитивный, то коннотативный, то размерно-признаковый сбой. Детское подражание охватывает самые разные слова.

Потрясающе, как папа ударился (щекой о железный штырь подставки)! Какой он ударелый! (3 г. 7 м.). Я очень по папе скучала. **Просто потрясающе!** (4 г. 5 м.). — Ешь кашку! — Сейчас я отдохну. А **во-первых**, я руки не помыла! (4 г. 4 м.). Подожди, надо расправить (полотенце), **во-первых...** (4 г. 5 м.). При этом наблюдается весьма четкое привлечение личных местоимений в устойчивый оборот. Ср.: меня вместо тебя при заимствовании оборота из речи взрослого: Ой, болит! **Кто меня просил на велосипеде кататься!** (вчера поранила ножку) (3 г. 5 м.). Брат шутит на тему туалета. Лев ему: **Давай не говорить неприличностей** (3 г. 7 м. и 6 л. 8 м.). Дядя Коля рассуждает: Я не понимаю, как это шахматы выбирают профессией? Бабушка: Да-да! Женя вдруг: Дядь, ну **это уж твои проблемы!** (3 г. 9 м.). Смотрит на забинтованную руку: **Очень элегантно!** (4 г. 4 м.).

Если присмотреться, то в подобных примерах уже сквозит элитарная составляющая. Но подражание — это только самое-самое начало. Рассмотрим, какие компоненты элитарной речи встречаются на ранних этапах говорения (от 2 до 4 лет).

Комплимент. — **Вот вы, мама, молодец с папой:** набрали мне много новых носков (носков) (3 г. 7 м.). — Ой, комар-комар! Надо его шлепать. **Молодец, пап! Ты очень умный!** (3 г. 10 м.). Спасибо! **Очень хорошо пожила у тебя!** (4 г. 8 м.). — Баб, ну ты подруга! Нашла книжку, которую я искал («Буратино»). А то папа и мама запузырлили ее, и я летом ее находил, а зимой нет (3 г. 9 м.). Баб, а тебе **было уютно**, когда мы к тебе ходили (были у тебя)? (3 г. 10 м.).

Обратим внимание, что основой комплимента у детей является рядовой, частный, единичный случай, когда желание сказать комплимент перевешивает значимость ситуации. Compliment относится, скорее, к взрослому говорению, но истоки его формирования обнаруживаются уже в детской речи. Конечно, на первых порах это касается самых конкретных действий: прихода в гости, угощения, но потом постепенно комплиментное поле расширяется. Обратим внимание и на такую особенность детской речи, как комплименты на вкусовые объекты. Конечно, это есть и у взрослых, однако у ребенка на первых порах внимание к вкусу превалирует и создает хорошую почву для комплиментов. Еще М. К. Мамардашвили писал, что на глаза приходится 70 % внимания, на уши — 25 %, а на вкус, осязание и обоняние всего 5 %. Однако у детей, по-видимому, ситуация несколько иная, и тому же вкусу уделяется больше внимания, чем это выражается потом, по мере взросления. Compliment как знак творчества, креативного отношения к окружающим весьма значим в общении. Казалось бы, это обычная ситуация, но человеку следует повернуть ее к собеседнику, оценить его, поэтому комплименты появляются в детской речи несколько позднее других проявлений элитарности. Compliment прекрасно включает эмоции, а эмоции — это самое главное в жизни, хотя мы так не говорим и даже порой не думаем. Культура держит дух. Говоря комплимент, ребенок испытывает «восторг перед чужим талантом», а это значимая часть элитарного поведения. Подражая взрослым, перенимая модели комплимента, ребенок учится быть артистом минуты. Да-да, он осваивает себя как человека, оценивающего другого, а это весьма значимо для него. «Брызги шампанского» — так интерпретирует себя актер в свои самые значимые минуты, хотя до этого бывало много, очень много репетиций. Наш малыш схватывает высшую часть этих действий, и она прекрасна.

Этикет. Этикетные формулы усваиваются детьми относительно рано, причем с явным расширением. Может возникать требование полноты этикетной ситуации («пожалуйста» не сказала), или меняться адресат формулы (говорит сама себе «будь здорова»),

или нарушаться этикетный объект (*извинюсь* вместо *извиню*), или нарушаться причина употребления этикета (кашель вместо чихания). Иногда идет подчеркнуто вежливое использование слов как проявление элитарной речи (*извините, но я дам сдачи*).

— **Привет, лопух! Привет, привет!** (2 г. 2 м.). — **Пока нашей табуретке!** (2 г. 3 м.). — **Пока, песочница!** Мы пошли в скверн (*sic!*) машин смотреть. **Пока, песок!** (2 г. 4 м.). Каня говорит: **«Залезайте, уважаемые пассажиры!»** (2 г. 11 м.). — **Куда ты?! — В туалет. Можно? — Конечно, можно! Я же не против!** (3 г. 2 м.). Устала, сердится: **Я к тебе больше не прихожу!** — Пока, Маша! — **Не пока! Не пока!** (3 г. 3 м.). Маш, спасибо за семечки (что начистила), я съела. — **Спасибо мне!** (3 г. 3 м.). Маша кашлянувшей бабушке: **Будь здорова!** (3 г. 4 м.). Шутит за мозаикой: **Але! С праздником вас!** (смеется). **Извините, но я дам сдачи!** (3 г. 5 м.). — **Ты ж не заметила!** — Маша, ну извини меня! — **Ну ладно, извинюсь** (извиню) (3 г. 5 м.). Гостья, прощаясь, говорит: «Спасибо за все!» Женя подхватывает: **Спасибо за вам!** (3 г. 8 м.). Женя размахивает шнуром с грузиком. Бабушка: Не ударься, сынок! Женя: **С удовольствием не ударюсь!** (3 г. 9 м.). Маша маме Иры: **Я не успела сказать «Спасибо!»** (4 г.). Даю ножницы. — **Спасибо! Чего ты «пожалуйста» не сказала?** (4 г. 4 м.). — Тысяча — это сто раз по сто. — Здрасьте! Десять раз по сто! — **А почему ты «здрасьте» сказала? Она ведь не только что пришла** (4 г. 6 м.). — **Это с кем вы говорите по телефону: «И вас также!»** (4 г. 9 м.).

Интересно наблюдать и другие шероховатости в детском этикете. Каня вечером всегда желает папе спокойной ночи, а сегодня добавил: «До новых встреч!» (22.07.2022). Был период, когда, прощаясь, Каня говорил близким своим не только «Пока!», но добавлял «Спокойной ночи!», хотя день был в разгаре. Похожий эпизод нам встретился в книге Л. и Р. Чайковских: «Мы не можем забыть, как Глеб в возрасте трех с половиной лет, прощаясь с нами — когда мы уходили или когда он без нас уходил гулять с бабушкой, — использовал сразу несколько известных ему вариантов прощального привета: *До свидания! Прощай, мой папа! Всего тебе доброго! Пока! Счастливо тебе!* Что это, как не проявление неосознанной радости умения говорить, неосознанной радости иметь любимых маму и папу, быть любимым ими и защищенным ими?»¹ Покоряет обилие этикетных клише, их разнообразие, что весьма свойственно элитарной форме речи.

Предложение помощи. В плане проявления элитарной культуры такой аспект, как предложение помощи, чрезвычайно значим, почему мы и выделили его в отдельную графу. Здесь проступает идея старшинства, чрезвычайно лестная для ребенка, почему у нас в картотеке много примеров на помощь... насекомым.

Собирают кубики: **Давай я тебе помогу!** (3 г. 2 м.). — **А ты можешь наперегонки? У тебя ножка больная. Но я тебе помогу!** (3 г. 3 м.). — **Нет, я для папы чищу (семечки). Я не буду есть без папы. Ему же нужна помощь** (3 г. 3 м.). — **Я тебе помогаю записывать, а то ты иногда забудешь (забываешь)** (3 г. 3 м.). — **Давай я с тобой помогу** (3 г. 11 м.). — **Мы же ребята! Мы всегда вам поможем! Мы всегда прийти вам на помощь** (пропуск: *готовы*) (3 г. 11 м.). О красноклопе: **Я на ручку его взяла. Помогла ему вернуться по делам!** (3 г. 11 м.).

Обратим внимание на следующее высказывание: — **Я тебе помогу. Но в принципе в семечках нечего помогать!** (4 г. 3 м.). Здесь элитарная составляющая речи первоначально перевешивает ее употребление.

Тактичность. Будучи широким понятием, тактичность в детской речи нередко наблюдается по отношению к самому ребенку (*ругай меня тихо, не говори такие слова*). И встречается элитарная составляющая речи, когда тактичность заочно адресована се-

¹ Чайковский Р. Р., Чайковская Л. И. Глеб Чайковский. Первая книга в записях Л. и Р. Чайковских. Магадан: АО «Магаданская областная типография», 1994. С. 17–18.

стре, при этом оценивается и сам приготовленный сестрою объект (*подушка замечательная, конечно*).

Алина лежит, Женя дает ей конфеты: *Мам, поднимай рот* (поднимайся и открывай рот!) (2 г. 9 м.). Ест блины с рук. *А я тебя не укусил хоть?* (2 г. 10 м.). Женя мне: *Баб, ты не устала жить?* (2 г. 11 м.). — *Мама, ругай меня тихо!* (3 г. 1 м.). Каня через минуту: «*Мама, послушай, Машина подушка замечательная, конечно, но она немного жаркая. Положи мне что-то похолоднее*» (3 г. 1 м.). — Я орала на вас, я плохая! Женя: *А мы тебя не зовем плохой!* (3 г. 10 м.). — *И я буду, кем ты хочешь я был, тем я буду* (4 г. 6 м.).

Наблюдаются часто явления контаминации, совмещения различных синтаксических формул: Женя отнимает динозавра в носке. Лев: *Подожди, Женек! Ну так нельзя невежливо относиться* (невежливо себя вести + плохо относиться!) (4 г. 10 м.).

Сочувствие. Сочувствие — это весьма важный компонент элитарной речи, и мы фиксируем его на ранних этапах речи. Умение встать на точку зрения другого человека — это ценнейшее качество, свидетельствующее о развитии навыка отзеркаливания ситуации. Вообще здесь проявляется такое соединение качеств, как ответственность за свое поведение, с одной стороны, и сопереживание, сочувствие — с другой.

Женя нацепляет мне заколку-бабочку: *Не больно тебе?* — Нет. Нацепляет на коробку: *А коробке не больно?* (2 г. 7 м.). Женя в большой комнате, я мою посуду на кухне. Женя: Я пришел к тебе. *А то ты одна осталась!* (2 г. 8 м.). — *А тебе не больно ходить? А я зато могу бегать! А ты сахара доелась?* (3 г. 2 м.). — *А хочешь, со мной поиграем в поролон? Но у тебя больная ножка, и я сама справлюсь!* (3 г. 3 м.). *А гребешок где?* — М-м... отрезали. — *А курочка плакала и говорила, что ей больно?* (3 г. 5 м.). — *Папочка, ты веселый? Ты не спечальный, нет?* (3 г. 5 м.). — *А бабушку что, под памятник в землю закопали? А если она глаза откроет? А не больно ей будет, когда люди по земле станут ходить?* (4 г.). — *Мама, снег под ногами хрустит. Это он плачет? Мы же по нему ходим* (4 г. 10 м.). — *Ты, наверно, мучаешься, когда масло наливаешь все время на сковородку!* (4 г. 8 м.). — *Ты не обжигалась, не обожгалась?* (4 г. 8 м.). Говорю, что одной скучно печь блины. — *Ничего! Я же с тобой рядом! Я же тебя не брошу! Я буду тебя защищать. Никогда не брошу! Я дам честное слово* (4 г. 1 м.).

Показателен последний пример на распространение сочувствия, что наиболее полно характеризует само это качество элитарной речи.

Чувство собственности. Чувство собственности — это показатель зрелости, взрослости мышления, не соотносимый часто с элитарностью речи, но тем не менее в детстве весьма ощутимый. Приведем здесь две записи мамы Аркадия: «Каня собирается на прогулку всегда с душой. И с нервами. Вдруг начинает голосить что-то типа „*А где мой автобус любимый?!*“ Или зонтик. Или молоток. Или зеленый мяч. Мы „все свое носим с собой“ по завету древних. Думаете, Каня берет автобус, чтобы играть? Нет, он его из пакета не вынимает никогда! И зонтик тоже. И зеленый мяч. Он берет их именно для сохранности, чтобы под присмотром были» (2 г. 11 м.).

«Части тела называет исключительно ласкательно: *коленочка, спиночка, ручечка*. Причем переживает с выражением лица завхоза: ножка поцарапалась, имущество испортилось! Вот как это объяснить, не знаю, но видно, что он не из-за боли переживает, а именно за сохранность вверенных ему конечностей» (3 г. 2 м.).

Сама я после садика любила покататься на чужом велосипеде, но свой берегла, как писала в письме моим родителям бабушка. Это были 1952–1953 годы. Наше общее мнение: ребенок должен быть альтруистом! А так ли это? Чрезвычайно показателен пример с *коленочкой, спиночкой*. А. А. Павлова метко заметила, что здесь речь идет не о боли, а о чувстве собственности (переживает «за сохранность вверенных ему конечностей»).

Активность. Качество очень ценное — активность. Проявляется это свойство, прежде всего, в обилии утверждений «Я сам!», что свидетельствует о значимости старшинства ребенка, особенно при наличии других детей, которые старше его по возрасту. Это очень важное качество — чувство старшинства, которое почему-то уходит потом с возрастом, и в наших государственных документах человек до 35 лет включительно считается все еще молодым. Здесь не исключено утратившееся в некоторых семьях влияние сиблингов, как старших (подражание!), так и младших (старшинство, забота!) по причине... отсутствия братьев и сестер. Отсутствие в семьях сиблингов существенно влияет на общую оценку активности.

Запись мамы: «Каня помогал сегодня яму засыпать, даже когда стал моросить дождь, кричал и орал, что будет „*работать столько, сколько хочет*“, так и сказал (2 г. 10 м.). С одной стороны, тяжело с ним работать, сама же раз по нему попала, он четко под руками крутится, с другой — человек помогать хочет, работать, я как педагог не могу не поощрять. Если бы не спешить, оно бы можно было вообще к всеобщему благу все организовать, но этот дождь моросящий заставлял всех торопиться и нервничать».

Примеров активности множество: «Я сам!» — типичное детское выражение. Рассмотрим другие случаи.

— **А я умею всему научиться!** (2 г. 3 м.). За рисованием: Ты устал! — **Я никогда не уставаю** (2 г. 10 м.). Проснулся и вскочил с кровати со словами: «**Ну, за работу!**» (2 г. 10 м.).

Что здесь значимо? Под активностью мы понимаем не обычную живость ребенка, а стремление участвовать в делах взрослых людей. Активность взрослого — вот что важно при оценке высказываний ребенка.

Жизнь заставила нас выделить в качестве активности военную тему, когда маленький человек ощущает себя защитником, бойцом, что также отвечает идее активности как элитарного качества.

Приведем запись мамы 17 декабря 2022 года. «Сегодня вечером очень громко бахнуло где-то, в таких случаях детям велено бежать в ванную или хотя бы уйти из комнаты с большим окном в центр дома. Маша серьезно относится к этому, а поскольку она чаще находится ближе к Кане, когда играет с ним, то она и его тянет в безопасное место. Обычно Канька слушался прекрасно, а сегодня переклинило парня. Может, потому, что весь вечер играл с пистолетом в то, как он ракеты сбивает. В общем, человек поверил в себя. Вырывался от Машки, к окну бежал, кричал: „*У меня же есть пистолет! Я буду сбивать!*“. Он сильный уже, мы его даже вдвоем не удержим долго, пришлось пойти на компромисс, сговорились на том, что он будет сбивать ракеты на расстоянии от окна. Вояка нашелся!» (3 г. 2 м.).

Самооценка.

Зачем ты послала меня за этими конфетами, я же все слопаю (2 г. 6 м.). С отцом играет в «продолжить песни». Он говорит «Нет» на все. Отец: Маме не получится показать. Каня: **Зря я так поступил** (2 г. 6 м.). Папа: У-у-у! Маша: Опять начинается! Папа: У-у-у! Маша: Я тоже хочу плакать! Я: Ты прелесть, Маша! Маша кричит: **Да! Я не прелесть!** (2 г. 10 м.). Папа Маше: Да я тебе не разрешаю! — **А я сама себе разрешаю!** (3 г.). Фотографии аквапарка в Евпатории: *Это вот папа съехал* (с горки в воду). — Не побоялся? — **Нет! А я побуюсь!** (3 г. 1 м.). — *Я плакать не буду. Я терпичий!* (3 г. 4 м.). *А я мужчина?* — Конечно! — **Я же взрослый, только я не твоего роста!** (3 г. 11 м.). — *Хорошо, что я не подошел к зеркалу, когда упал* (с качелей), *а то бы я развизжался!* (4 г. 2 м.). — *А кто* (подарил)? — Не помню. Если хочешь — возьми себе (елочку). — *Ну ладно, но мне неприлично забирать чужие вещи!* (4 г. 6 м.). Получается? (вырезает) — **Получается! У меня все даже получается. Понимаешь ты?** (4 г. 6 м.). — **Я настоящий повар, наверно! Я настоящую ямку сделала в муке** (4 г. 8 м.).

О, здесь обилие примеров говорит о важности самооценки в общей структуре личности. Примеры даны на самооценку, и все они отражают многообразие этого свойства личности. Здесь

- и знание себя (*все sloпaю*),
- и отказ от завышенной самооценки (*я не прелесть*),
- и анализ конкретной ситуации (*зря я так поступил*),
- и соотнесение себя с требованием общества (*мне неприлично забирать чужие вещи*),
- и подчеркивание своего действия (*настоящий повар, настоящую ямку сделала*),
- и интерпретация себя по максимуму (*все всегда получается*).

Мы наблюдаем, таким образом, зарождение элементов элитарной речи. Самооценка формируется параллельно с оценкой других людей, влияя на нее и испытывая обратное влияние, ощущая влияние со стороны. Как видим, самооценка присутствует в детской речи весьма значительно, и хотя есть непопадания в строй, все эти примеры чрезвычайно значимы для выстраивания элитарности речи по принципам: «Я и другие», «Моя роль в общении», «Самооценка». Обращает на себя внимание сочетание уверенности в себе (*я терпячий*) и чувства справедливости по отношению к себе (*а я побоясь*).

Оценочное восприятие окружающего. Давно нам пора сделать одно серьезное пояснение к статье. Ответим на вопрос: «Неужели все дети всегда так говорят? Разве они не знают негативных слов и не употребляют их в своей речи?» Нет, такие слова тоже встречаются. В «Корпусе детских высказываний», отражающем речь мальчиков с нуля до ...лет², мы найдем, например:

— Он здесь стоял, Лев! **Какого черта ты убрал!** <...> **Какого хрена... какого черта и какого хрена!** (3 г.). Брат случайно разрушил построенную часть леса: *И вообще, Левка, ты дура!* (3 г. 6 м.). *Моя любимая пожарная! Я ее смотрю утром, чтоб не уехала. А если уедет, я скажу: «Дрян!»* (3 г. 5 м.). *Говорит бабушке: «Что ты за балбес такая?»* (3 г. 10 м.). — Не лезь! — *Уйди, баба! Ты черт полосатый!* (3 г. 10 м.).

В речи ребенка появляются и современные, сомнительные с точки зрения высшего слоя речи обороты: — *А каток не работает?* — *Растаял.* — **Я в шоке!** (4 г. 8 м.). *Эй, сколько же ты написала слов!* **Обалдеть!** (4 г. 8 м.).

Скажем, что братья (одному девятнадцать, другому шестнадцать лет) уже выросли, они обходятся без этих и подобных слов. А младшие внуки — десятилетняя Маша и трехлетний Аркадий — тоже, будем надеяться, вырастут без этой лексики. И не подобные слова делают погоду, хотя, конечно, они слышны, но не о них у нас сейчас идет речь. Так что продолжим свое исследование элитарной составляющей, не всегда заметной, но весомой.

У детей часто встречается слово «люблю», причем по отношению к самым различным объектам: к грязи, «гадости» и т. п.

О спортике-кубике: *Я люблю смотреть такую гадость!* (3 г. 7 м.). Напевает: **Какая грязь чудесная! Какая грязь хорошая!** (4 г. 9 м.).

На первый взгляд представляется, что здесь сосредоточены самые различные слова, однако всех их объединяет оценочное восприятие окружающей действительности с преобладанием слова «люблю», точнее, идеи любви вплоть до парадоксального утверждения «я люблю смотреть такую гадость», где чужая реплика уверенно вплетена в детскую речь. Положительная оценка окружающего типична для детского мышления и весьма типична для высшей, элитарной речи, хотя разглядеть в сгустке детских высказываний нечто обобщающее бывает непросто.

Все приведенные в статье примеры — это свидетельства позитивной детской речи, ее искреннего оптимизма. *Нота бене!* Мы затронули сейчас очень важный показатель

² Харченко В. К. Корпус детских высказываний. М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2012. 520 с.

высшей, элитарной функции речи, ее оптимизм, положительность впечатления, проявляющуюся во многих вышеприведенных примерах. Это весьма значимое качество элитарной детской речи, подчас отличающее ее от элитарной речи взрослых. Исследователи проводили эксперимент, анализировали, что за разговоры ведутся у нас на кухне. Оказалось, что мы чаще всего жалуемся. Был применен даже такой термин: ламентация, поэтому детская речь служит для нас добрым уроком.

Мы привели и проиллюстрировали признаки элитарной речи ребенка в ее раннем становлении: *комплимент, этикетные клише, предложение помощи, сочувствие, тактичность, активность, самоанализ, оценочное восприятие окружающего...* Но при этом надо учесть и такое качество детской речи, как постоянное расширение словаря. Элитарная речь подразумевает богатство речи, и дети усваивают это богатство своим способом проб и ошибок, иногда весьма очаровательных.

Приехал папа, играли с Каней в загадки, например: «Что летает по комнате и всем мешает?» Каня уверенно закричал: «**Курица!**» (2 г. 11 м.). Женя после симфонического концерта ложится на пол, ползет: **Я виолончель** (весь концерт называл себя виолончелью) (2 г. 11 м.). Дворник нам: Вы не уйдете? Я пилу хотела оставить. Я Левчику: Мы пилу караулим. Лев: *Сейчас пилу покараулим. Как собаки* (3 г. 10 м.). Слышит, как капли дождя стучат по стеклу: **Дождь печатает** (4 г. 8 м.).

А словотворчество? *Чистюнь, мокнемся, недогол, прогол, отпечень, ложистый, сид, ракетники, темнолес, светлолес, служебница, хвадцать...*

А диминутивы (слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами)? *Любименький, батарейнички, солнечненький, ковричек, пшениненький, пирожененький, деревянненький, спасибушки, сиреневенький...*

Мы проводили в свое время исследование о совпадающих фактах детской речи и художественной речи: *утреет* — у ребенка и у А. Блока, *широкошумный* — у ребенка и у А. Пушкина, *громокипящий* — в детской речи и у Ф. Тютчева, *многоумный* — в детской речи и у Ю. Нагибина...

Рассуждая о расширении словаря как показателе формирующейся элитарной речи, спросим себя: при чем здесь детская речь, тем более в ее элитарной составляющей? Дело в том, что у слов в массе своей есть невидимый парадокс: можно вполне обходиться малым количеством слов и выражений, как это делала Эллочка-людоедка в известном романе И. Ильфа и Е. Петрова, и это не будет сильно сказываться на общении.

Расширительные возможности слова чрезвычайно велики. Дети это, конечно, чувствуют, но не сдаются, стремясь к расширению своего словаря. Так при чем же здесь парадокс? У Михаила Эпштейна читаем: «Парадокс в том, что чем больше расширяется язык, тем больше он пустеет и тем больше в нем появляется семантического вакуума и лексических вакансий. Язык — как резиновый шар, в котором по мере надувания происходит и отдаление словарных точек, так что появляется новая лексическая разреженность... <...> Чем богаче язык, тем больше он нуждается в новых словах и смыслах, которые бы заполнили его растущую емкость. Не только русский, но в еще большей степени английский язык постоянно втягивает в свою „вакуумную воронку“ огромное количество новых слов и выражений, хотя не всегда потребность в них лексически обоснована»³.

Так? Конечно, так! И для ребенка, усваивающего язык, идея заполнения словами своей речи по максимуму на ранних этапах хорошо прослеживается. В речи ребенка формируется, таким образом, словарь. Малыш выступает как... лексикограф, употребляя слово неоднократно в различных контекстах, пока это слово не обретет свою законную нишу. Мы схватываем всевозможные детские шероховатости и порой не за-

³ Эпштейн М. Слово как произведение: о жанре однослова // Новый мир, 2000, № 9. С. 206.

мечаем эту, по существу, постоянную работу над словом. Проследить такую работу ребенка-лексикографа можно на примере повторяющихся слов.

— Когда солнце заходит — **на уровне** шести часов, то сразу же **на уровне** песка и купальника становится холодно! (3 г. 11 м.). — **Боюсь**, мы успеем гулять? **Боюсь**, мы не пойдем гулять? (4 г. 3 м.). — Это очень мило! О! Это **идеально** просто! (смотрит «медвежат») (4 г. 4 м.). — Мне больше нравится про мишек. Они то в горы полезли, то спортом занимаются. — Ух ты! Это вообще **идеально!** (4 г. 4 м.).

Расширение словаря — важнейшее качество элитарной речи, проявляющееся и позднее, однако самые первые его возможности мы наблюдаем в возрасте, когда детские ошибки порой мешают оценивать значимость самой ситуации. Писатель Сергей Есин в одном из своих дневников рассказывал, как сидел в театре вместе с легендарным танцовщиком Владимиром Васильевым. «Он сказал, что традиции только потому и сохраняются, что каждое поколение к этим традициям добавляет нечто свое. В данном случае вспомнили о „Жизели“»⁴. Детская речь позволяет пронаблюдать это «новое», добавляемое к нашему привычному миру: *Дождь печатает. ...А то бы я развизжался. ...На уровне песка и купальника...* Богатейшее детское воображение прекрасно работает на потенциальный словарь нашего общего языка, и наша простая, однако трудновыполнимая задача — не лениться записывать эти временные, но подчас весьма тонкие находки.

Освоение значимых слов. Элитарность речи предполагает овладение рядом абстрактных слов, и в детской речи это хорошо обнаруживается при непопадании слова в привычное окружение. Значимых слов в детской речи много, но мы проиллюстрируем всего два абстрактных слова: *порядок* и *красота*.

А иначе здесь мусор будет. Маша подхватывает: **Порядок** не будет (3 г. 1 м.). — Ну, это чтобы камни не упали, а то там **порядок** надо устроить! (3 г. 3 м.). — Я чисто сделаю, и будет тут **порядок** у нас! (3 г. 3 м.). — А почему у тебя чистый **порядок**? (3 г. 4 м.). — Пойдем! Я тебе **порядок** помогу завести! (3 г. 4 м.). — Там нужно **порядок** сделать, чтоб у тебя там грязно не было! (3 г. 4 м.).

— Вы посмотрите, что **на красоту** делается (показывает на протекающий потолок) (3 г. 3 м.). О мозаике: **Сейчас будет очень красивая красота!** (3 г. 4 м.). О мозаике: А если здесь ряд сделать и здесь ряд — **и будет красота!** (3 г. 4 м.). Рассердилась: **Все!** Я больше с тобой **красоту не буду получать**, я только сама буду складывать (3 г. 5 м.). О мозаике: **Я круглую красоту** сделаю, лучше, чем у тебя (3 г. 5 м.). О мозаике: Я начала собирать красоту, потому что мне нравится **собирать красоту!** (4 г.). — **Сейчас три наберется пуговок красивых! Сейчас еще красота у нас будет!** (4 г. 1 м.). Что такое красота, знаешь? Я: Это когда смотришь на человека и хочется смотреть и смотреть! — **Нет, красота — это когда все наряжаются!** (4 г. 6 м.).

Дети учатся делать красоту и создавать порядок, и это учение дается нелегко, однако важность его бесспорна. В речи одной и той же девочки: наряду с правильным употреблением (*будет тут порядок*) встречаются сбои в отрицательной конструкции (*порядок не будет*), в привлечении избыточного эпитета (*чистый порядок*), более того, в нескольких примерах приводятся непривычные взрослому человеку сочетания с глаголами: *порядок устроить*, *порядок завести*, *порядок сделать*. В немецкой культуре есть пословица: «Порядок — вот Господь на земле». Что-то в русской культуре не слышно такого афоризма. Приведем еще одно наблюдение. В этом мире наша первая обязанность состоит в том, чтобы устраивать произвольные островки порядка и системы (Н. Винер). Любопытно, что в детской речи «устраивать произвольные образцы порядка» полновесно, хотя и несколько коряво представлено, что свидетельствует о значимости самого этого слова. Мы видим, что порядок — это не просто ровно раз-

⁴ Есин С. Н. Дневник 2010. М.: НИЦ «Академика», 2012. С. 45.

ложенные вещи, а нечто большее, и детская речь это «больше» нащупывает: *порядок устроить, порядок буду убирать, завести порядок...*

В отношении слова «красота» помимо правильного употребления (*красота будет*), наблюдаются метонимические переносы (*на красоту делается, круглую красоту*) и личная трактовка самого понятия (*красота — это когда все наряжаются*). «В XX веке чаще говорят о наблюдаемой красоте — красоте природы, мира, женской красоте. ...А также стоит отметить появление у данной лексемы значения в качестве междометия. ...Ядерным значением лексемы является значение „красота — то, что называют красивым“. Такое значение является результатом переноса качеств объекта на эстетическое восприятие человека, который видит данный объект»⁵. Показательно, что ребенок копирует все эти изменения под влиянием взрослых. В его речи есть междометие, есть наблюдаемая красота, есть перенос качеств объекта на эстетическое восприятие человека. Более того, у ребенка существует зависимость симметрии и красоты, правда, здесь употреблено однокоренное слово: идут с папой на прогулку, Кая берет вторую машину с собой. Папа: «Зачем нам две машины?» Кая: «*Чтобы в рюкзаке было красиво*» (2 г. 8 м.).

Итак, детская элитарная речь открывает нам многое: чувство оптимизма и постоянное внимание к возможностям языка, активную жизненную позицию и пристальный самоанализ, тактичность и готовность к комплименту, эффект подражания и эффект творчества.

Прежде чем дать определение детской элитарной речи, рассмотрим главное, к чему мы пришли в ходе своего исследования.

Обратим внимание, что в центре определения у нас будет стоять слово «движение». Действительно, детская речь весьма подвижна, в ней происходит почти постоянное движение через ошибки и намеренно правильные слова, через подражание и творчество, через взаимодействие «я» и «мир вокруг». И все это ведет к чему-то уже взрослому, правильному, подчас даже скучному, однако сам процесс, само это движение вызывает то усмешку, то коррекцию, то неожиданное очарование. Это движение существенно отличает детскую речь от уже состоявшейся взрослой речи. По большому счету в детской речи мы прослеживаем три вектора. Во-первых, мы наблюдаем движение к чистой речи (*тактичность, предложение помощи, оценочное восприятие окружающего*). Во-вторых, мы выявили многочисленные факты движения к доброжелательности речи (*комплимент, этикет, сочувствие*). В-третьих, хорошо наблюдается основное на гибкости речи движение к речевому богатству (*расширение словаря, освоение значимых слов*).

Пришла пора дать главное определение. Эгалитарная речь в раннем детском возрасте — это движение через подражание и творчество, через ошибки и языковую игру к речи чистой, доброжелательной и, пока неосознанно, к речи, отражающей неисчислимые национальные богатства.

Ответим на напрашивающийся вопрос: что происходит позднее, в настоящее время, сейчас? Наблюдается ли уход, провал элитарной речи по мере взросления ребенка? И да, и нет.

Да, потому что виртуальный мир насаждает, накрывает, отдаляет от нас наших детей, становящихся в XXI веке вынужденными рабами Интернета.

Нет, потому что заложенное в детстве общение с его мощными слоями элитарной речи остается в глубинах сознания и способствует формированию класса, формированию прослойки людей, для которых их место в обществе, конечно же, будет весомым, но которые будут заботиться и о других жителях на земле здесь и сейчас.

⁵ Шилихина К. М., Жилина И. А. Семантическая структура лексемы красота по данным толковых словарей русского языка и Национального корпуса русского языка // Язык и национальное сознание. Вып. 29. М.: Изд-во ООО «Ритм: издательство, технологии, медицина», 2023. С. 109.